

DOI: 10.15393/j9.art.2012.346

Валентина Ивановна Габдуллина

*доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
русской и зарубежной литературы филологического факультета,
Алтайский государственный педагогический университет
(Барнаул, Российская Федерация)*
vigv@mail.ru

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ МОТИВ «ДОГОВОРА С ДЬЯВОЛОМ» В РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: «БОГООТМЕТНОЕ ПИСАНИЕ»*

Аннотация: В статье рассматривается мотив договора человека с дьяволом в сюжетных коллизиях романов Достоевского. Подобно тому, как в средневековых сюжетах договор человека с дьяволом скрепляется рукописанием, в романах Достоевского герои-идеологи (Родион Раскольников, Иван Карамазов) пишут статьи, в которых обосновывают свои богоборческие идеи. Сниженный вариант мотивемы «богоотметного писания» представлен в «поэме атеистического содержания» Степана Трофимовича Верховенского. В качестве «богоотметного писания» может выступать предсмертная записка героя (Ипполит Терентьев, Николай Ставрогин), для которого самоубийство становится богоборческим актом. По Достоевскому (в соответствии с мифологическими представлениями), Слово произнесенное, а тем более написанное, обладает силой, способной влиять на мир и на судьбу человека. Обращение к архетипическому сюжету договора человека с дьяволом связано с установкой писателя на ремифологизацию романа, чем обусловлена актуализация в тексте мотивемы «богоотметного писания».

Ключевые слова: романы Достоевского, архетипический мотив, договор с дьяволом, блудный сын

Мотив договора человека с дьяволом и его инвариант — мотив продажи души дьяволу¹ — обнаруживаются в завуалированном виде в художественной структуре метафизического сюжета романов Ф. М. Достоевского, вступая во взаимодействие с другими мотивами. В средневековых сюжетах договор человека с дьяволом зачастую скрепляется «рукописанием» или «богоотметным писанием» — богоотступник пишет некий документ, который, «будучи отдан Сатане... с неизбежностью прикрепляет к нему создателя рукописания, его духовную сущность» [1, 96]. Герои-идеологи Достоевского (Раскольников, Иван Карамазов) являются авторами рукописей: Раскольников — статьи «О преступлении», Иван Карамазов написал и опубликовал статью о церковном суде, которая по своей идее близка к поэме «Великий инквизитор»². Статьи Родиона Раскольникова и Ивана Карамазова могут быть рассмотрены

как «богоотметные писания», так как их авторы фактически отрекаются от божьих законов, «отметая» идею Бога и противопоставляя вере доводы рассудка. Есть свое «богоотметное писание» и у Степана Трофимовича Верховенского («Бесы») — написанная им «в самой первой его молодости» поэма атеистического содержания; как свидетельствует хроникер, «это какая-то аллегория, в лирико-драматической форме и напоминающая вторую часть “Фауста”» (10, 9)³. Это своего рода травестийный вариант мифологемы «богоотметного писания».

Любопытно, что указанные рукописи начинают действовать как бы независимо от воли их авторов и даже вредить им. Так, рукопись статьи Родиона Раскольникова «О преступлении», отданная в одно печатное издание, неожиданно появляется в другом; за два месяца до преступления Раскольникова ее печатный вариант был прочитан следователем Порфирием Петровичем, и в процессе следствия статья становится своего рода обличающим автора документом. Представляется неслучайным тот факт, что к самому Раскольникову эта статья попадает из рук матери, когда он уже принял решение идти с повинной. Создается впечатление, что «бес» подбрасывает Раскольникову свидетельство его «избранности» и «гениальности», используя для своих целей его мать, которая, прочитав статью три раза и ничего не поняв в ней, укрепляется в мысли о гениальности сына. Однако на Раскольникова его собственное произведение производит противоположное впечатление, что свидетельствует о начале освобождения от наваждения:

Прочитав несколько строк, он нахмурился, и страшная тоска сжала его сердце. Вся его душевная борьба последних месяцев напомнилась ему разом. С отвращением и досадой отбросил он статью на стол (6, 396).

О рукописи поэмы Степана Трофимовича Верховенского хроникер повествует как о некоем одушевленном создании: она неожиданно всплывает в самый неподходящий для автора момент, когда «в Петербурге было отыскано какое-то громадное противостественное и противогосударственное общество, человек в тринадцатый, и чуть не потрясшее здание. <...> Как нарочно, в то же самое время в Москве **схвачена была** и поэма Степана Трофимовича...» (Здесь и далее полужирный курсив мой. — В. Г.; 10, 9). Спустя годы, эта поэма неожиданно была напечатана за границей без ведома автора, что повергло его в страх быть обличенным в неблагонамеренности.

Статья Ивана о церковном суде, которой заинтересовались как церковники, так и атеисты, принимая ее автора за «своего», в конце

концов названа «дерзким фарсом и насмешкой». Об этой статье также говорится как о действующей как бы независимо от автора:

...статья эта своевременно *проникла* и в подгородный знаменитый... монастырь *проникла и произвела совершеннейшее недоумение*» (14, 16).

Иеромонах Иосиф замечает по поводу содержания статьи о церковном суде:

...да, кажется, идея то о двух концах (14, 56).

Старец Зосима, присутствующий при обсуждении статьи Ивана (сам он «*статьи не читал, но о ней слышал*»), замечает в ней атеистическое содержание:

По всей вероятности, не веруете сами ни в бессмертие вашей души, ни даже в то, что написали о церкви и церковном вопросе (14, 65).

«*Семинарист-карьерист*» Ракитин склонен видеть в статье Ивана некий расчет:

Иван теперь богословские статейки пока в шутку по какому-то глупейшему неизвестному расчету печатает, будучи сам атеистом... (14, 75).

Расчет Ивана, видимо, заключается в том, что, не определившись до конца в главном вопросе — существовании Бога и бессмертии души, он проверяет свою идею в *незаписанных* поэмах, доверяя опубликованной статье только часть своих мыслей, не решаясь переступить черту — окончательно предавшись дьяволу. В рассказанной Алеше поэме Иван, скрывшись за фигурой придуманного им великого инквизитора, открыл брату всю глубину своей идеи, суть которой, как понял это Алеша, заключается в том, что его брат «*не верит в бога*» (14, 239).

В архетипическом сюжетном инварианте, связанном с платой дьявола, тот выполняет свою часть партнерских условий договора через разного рода служения — помощь в осуществлении желаний героя [1, 110]. В «Преступлении и наказании» мотивема служения дьявола обнаруживается в обстоятельствах преступления Раскольникова с того момента, когда возникла мысль допустимости «пролития крови по совести», которую он сформулировал в своей статье. Как сказано в романе:

И во всем этом деле он всегда потом наклонен был видеть некоторую как бы странность, таинственность, как будто присутствие каких-то особых влияний и совпадений (6, 52);

...как будто кто его принуждал и тянул к тому. <...> Как будто кто-то взял его за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественной силой, без возражений (6, 58).

В своей исповеди перед Соней Раскольников говорит об этом достаточно определенно:

...я ведь и сам знаю, что меня черт тащил... черт-то меня тогда потащил, а уж после того мне объяснил, что не имел я права туда ходить, потому что я такая же точно вошь, как и все! (6, 321—322).

Дьявол как будто решает за героя все возникающие проблемы и затруднения. Когда Раскольникову не удалось взять топор на кухне, как он планировал, «бес» как будто подсунул ему топор, лежащий в «темной каморке дворника»:

Из каморки дворника... из-под лавки направо что-то блеснуло ему в глаза» (6, 59).
«Не рассудок, так бес!» — подумал он, странно усмехаясь. Этот случай ободрил его чрезвычайно (6, 60).

В момент убийства этот «бесовской» топор как будто сам обрушивается на голову жертвы:

Он вынул топор совсем, взмахнул его обеими руками, едва себя чувствуя, и почти без усилия, почти машинально, опустил на голову обухом. Силы его тут как бы не было (6, 63).

Вспоминая этот момент в разговоре с Соней, Раскольников уже отчетливо формулирует возникшее тогда ощущение:

«А старушонку эту черт убил, а не я» (6, 322).

И в дальнейшем ему удается выйти из дома убитой никем не замеченным, не оставив за собой никаких улик, что впоследствии поражает самого убийцу. В подготовительных материалах к роману (ПМ1), в варианте текста, где повествование ведется от лица героя, есть запись, в которой Раскольников размышляет по этому поводу:

Это был злой дух: каким образом иначе удалось мне преодолеть все эти трудности?... (7, 80).

По наблюдению О. Д. Журавель, поведение героя после вступления его в стовор с дьяволом характеризуется отказом от исполнения культовых обязанностей христианина и разрывом родственных связей [1, 59]. В романе «Преступление и наказание» автор неоднократно фиксирует на этом внимание читателей. Мать Родиона Раскольникова спрашивает в письме своего сына:

Молишься ли ты богу, Родя, по-прежнему и веришь ли в благодать творца и искупителя нашего? Боюсь я в сердце своем, не посетило ли тебя новейшее модное безверие? (6, 34).

По сути эти же вопросы задает ему Соня перед чтением Евангелия, на что Раскольников признается, что давно не читал Евангелия и не ходил в церковь. Он не носит креста. Характерен в связи с этим вопрос Сони к Раскольникову после его признания в убийстве:

— Есть на тебе крест? — вдруг неожиданно спросила она... (6, 324).

Вопрос этот застаёт Раскольникова врасплох («Он сначала не понял ее вопроса») не только потому, что он не носит креста. Сама

форма обращения Сони напоминает традиционную формулу «Креста на тебе нет», обличающую богоотступничество. Отсюда замешательство Раскольникова, не готового к такому вопросу⁴.

После убийства Раскольников ведет себя по отношению к родным, как одержимый бесом:

Оставьте меня одного! <...> Забудьте меня совсем. Это лучше... <...> Может быть, все воскреснет!.. А теперь, когда любите меня, откажитесь... Иначе, я вас возненавижу, я чувствую... Прощайте! (6, 239).

После сцены отречения от родных Раскольников говорит Соне:

Я сегодня родных бросил мать и сестру. Я не пойду к ним теперь. Я там все разорвал (6, 252).

Разрывает с родными и Ипполит Терентьев («Идиот»), вынашивая свою богоборческую идею самоубийства, он уходит из дома. Утрата семейных связей характеризует состояние «случайного *сеймства*» в романах «Подросток» и «Братья Карамазовы».

В контексте социально-философской концепции «*почвенничества*» мотивема «*отречение от роду и племени*» выступает характеристической чертой «*русского бездомного скитальца*», под которым Достоевский имеет в виду порвавшую с народной почвой интеллигенцию, а сам мотив *скитаний* и *утраты* Дома выполняет роль скрепы, объединяя два архетипических мотива — «блудного сына» и «договора с дьяволом».

В ряде романов Достоевского имеет место ситуация, когда в качестве «*богоотметного писания*» выступает предсмертная записка героя, для которого самоубийство становится богоборческим актом. В романе «Идиот» Ипполит Терентьев читает на террасе дачи Лебедева свою рукопись «Мое необходимое объяснение», в которой обосновывает свое право умереть по собственной воле, а не ждать три недели, отпущенные ему провидением. Чудо спасения Ипполита (патрон заряженного пистолета оказался без капсюля) воспринимается окружающими как фарс. На самом деле, автор дает понять, что к спасению заблудшей души Ипполита причастен князь Лев Николаевич Мышкин. Он один способен понять страдания юноши. Начав с презрения к князю, Ипполит кончает его признанием. «*Я с Человеком прощусь*», — обращается Ипполит к Мышкину.

Он стоял и смотрел на князя неподвижно и молча секунд десять, очень бледный, со смоченными от пота висками и как-то странно хватаясь за князя рукой, точно боясь его выпустить (8, 348).

Князь Мышкин выступает в этой сцене в роли Спасителя, одним своим присутствием побеждая беса, искушающего Ипполита. Симптоматично, что после этой сцены наступает улучшение в состоянии больного, он выходит из своего уединения и (хотя и не сразу) возвращается в дом матери.

Контрастна этой сцене из романа «Идиот» ситуация самоубийства в романе «Бесы». Предсмертная записка Кирилова пишется по наущению «беса» — Петра Верховенского, который требует, чтобы тот вместо «богоотметного писания» оставил свидетельство ответственности за убийство Шатова, что делает бессмысленным сам этот акт для идейного самоубийцы. Петр Верховенский выступает в этой сцене в роли дьявола, явившегося за душой самоубийцы, что вселяет в Кирилова ужас смерти.

Финальная фаза архетипического сюжета — разрыв договора человека с дьяволом, предполагающая вмешательство высших сил, посредником которых выступают святой или Богородица, в романах Достоевского реализуется в образах героев-посредников, являющихся проводниками высшей Истины, Божественного Слова. В каждом романе великого пятикнижия Достоевского есть свой *святой*.

В «Преступлении и наказании» эта роль отводится Соне Мармеладовой, полное имя которой — Софья — в переводе с греческого, означает *мудрость*. Среди прочих толкований понятия *мудрость* позднебиблейская дидактическая литература «дает образ “Премудрости божией”, описанной как личное, олицетворенное существо»⁵. В системе средневековой религиозной аллегии в руках у фигуры Мудрости изображалась Книга (Библия) как ее атрибут [8, 177]. Как показано в работах Садаеси Игэта и Т. А. Касаткиной, в православной традиции София ассоциируется с Пречистой Девой Богородицей [6], [3, 372—380], заступницей перед Богом за грешников.

Князь Мышкин неоднократно выступает в романе в роли героя-посредника. В финальной сцене в доме Рогожина у постели убитой Настасьи Филипповны Мышкин ценой собственного рассудка способствует просветлению Рогожина, который, пережив горячку и «воспаление в мозгу», принял приговор суда — в Сибирь, в каторгу, на пятнадцать лет «сурово, безмолвно и “задумчиво”», что является залогом будущего искупления его вины и воскресения в Сибири.

В романе «Бесы», само название которого говорит о том, что не один, а множество персонажей оказались во власти бесовщины, только Степану Трофимовичу Верховенскому удалось, накануне смерти, освободиться от наваждения. Именно ему открывается Истина, посредником которой оказалась вдова-книгоноша Софья Матвеевна Улитина. Как и в романе «Преступление и наказание», в «Бесах» чтение Евангелия «становится посредническим актом» [5, 120], и в обоих случаях оно доверено носительницам имени Софья.

В «Братьях Карамазовых» «кроткой, незлобивой и безответной» Софье Ивановне (матери Ивана и Алеши), поразившей Федора Павловича Карамазова своим «невинным видом», не дано было спасти душу погрязшего в грехах «пакостника» и «сладогострастника». Свою невыполненную миссию мать передает младшему сыну Алексею, который запомнил одну картину из детства:

...в комнате в углу образ, перед ним зажженную лампадку, а перед образом на коленях рыдающую как в истерике, со взвизгиваниями и вскрикиваниями, мать свою, протягивающую его из объятий своих обеими руками к образу как бы под покров богородице... (14, 18).

Эта сцена трактуется как вручение Богородице дитя «в предчувствии его скорого сиротства» [4, 239]. Вместе с тем В. Лепяхин указывает на связь этого жеста матери с древним обычаем:

Мать Алеши исполняет древнейший, еще библейский, обычай - посвящать одного из детей Богу [4, 239].

Ребенок, «посвященный Богу», должен служить Ему. Именно эту миссию несет в романе Алексей Карамазов, по наставлению старца Зосимы:

Мыслью о тебе так: изыдешь из стен сих, а в миру будешь жить как инок. <...> Много несчастий принесет тебе жизнь, но ими-то ты и счастлив будешь, и жизнь благословишь и других благословить заставишь... (14, 259).

«Братья Карамазовы» едва ли не самый «густонаселенный» нечистой силой роман писателя, с которым может сравниться, в этом отношении, разве только роман «Бесы». Это — «*черти с крючьями*» из шутовских рассуждений Федора Павловича (14, 23), черти, которых видел у игумена отец Ферапонт (а одному, «*самому матерому*», даже защемил хвост дверью) (14, 154), черти, бросившие в огненное озеро «*злющую-презлющую бабу*» из басни о луковке, рассказанной Грушенькой (14, 319). Это и черти из снов Лизы Хохлаковой, о которых она рассказывает Алеше:

...мне иногда во сне снятся черти, будто ночь, я в своей комнате со свечкой, и вдруг везде черти и им хочется войти и меня схватить. <...> А я вдруг перекрещусь, и они все назад... <...> И вдруг мне ужасно захочется вслух бога бранить, вот и начну бранить, а они вдруг опять толпой ко мне...» (Алеша признается, что и у него «бывал этот самый сон») (15, 23).

Вся эта «нечисть» неслучайно появилась в романе, в котором автор изобразил духовное состояние современного ему общества, главной чертой которого, по мысли писателя, было «*неверие и сомнение*».

Мотив договора человека с дьяволом в последнем романе «*пятикнижия*» Достоевского выходит из подтекста и приобретает мистериальный характер. Архетипический сюжет входит в роман «Братья Карамазовы» как «текст в тексте» в виде вставной «поэмы». В поэме

Ивана Карамазова сам Христос является на землю, чтобы спасти людей, оказавшихся во власти законов дьявола. Однако великий инквизитор отвергает Христа («*Мы давно уже не с тобой, а с ним...*»), признавая в своем створе со «*страшным и премудрым духом*». Метафизический сюжет прорывается в реальность и в явлении Ивану черта, который как будто приходит за душой грешника. Сумасшествие Ивана в конце романа — это болезнь, которая должна привести его к исцелению — «*он выздоровеет*» (14, 184). Как утверждает В. Кантор:

Надо отчетливо сказать, что верующий христианин Достоевский, разумеется, был убежден в реальном существовании нечистой силы, а потому игра черта с Иваном как кошки с мышкой говорит не только о физической, но о метафизической болезни Ивана. Достоевский не раз говорил, что состояние физической болезни способствует соприкосновению с миром иным, но это не болезненные образы, а просто обострение сверхчувственных способностей человека в результате болезни. Себя он называл «реалистом в высшем смысле слова», то есть не бытовиком и натуралистом, а писателем, способным изображать всю полноту мира, включая силы потусторонние [2, 458].

В романах Достоевского воскрешается мифологическое отношение к повседневной жизни, придающее ей колоссальный смысл и утраченную глубину. По Достоевскому, Слово произнесенное, а тем более написанное, обладает силой, способной влиять на мир и на судьбу человека. Обращение к архетипическому сюжету договора человека с дьяволом связано с установкой автора на ремифологизацию романа, чем обусловлена актуализация в тексте мотивемы «*богоотметного писания*».

Примечания

- * Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, проект № 6.4355.2011 «Русский язык и национальная культура в России и за рубежом».
- ¹ Актантно-предикативная структура мотива договора человека с дьяволом, как она представлена в «Словаре-справочнике мотивов и сюжетов», включает в себя следующие элементы: «герой испытывает состояние острой нужды (влюблен в недоступную женщину / стремится разбогатеть / получить повышение по службе / стать царем и т. п.) — ищет пути к дьяволу (определенное место, время, через посредника) — заключает договор / отрекается от Христа — получает желаемое — осознает свое грехопадение — после раскаяния (возможно посредством святого / Богородицы и т. п.) спасается (возможен обман дьявола)» (Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. Вып. 1. С. 87).
- ² Иван Карамазов — автор поэм «О рае» (сочиненной им в семнадцать лет), «Геологический переворот» (сочиненной «прошлой весной») и «Великий инквизитор»; о первых двух сочинениях Ивана неизвестно, были ли они записаны, а по поводу последней он настаивал, что поэму эту «не написал», а «выдумал и запомнил». В работе Л. И. Сараскиной убедительно доказано, что все три поэмы «не существуют на бумаге в виде написанного текста»: «...“Легенда о рае”, “Великий инквизитор”, “Геологический переворот” составляют своео-

бразную трилогию, триптих, объединенный единым смысловым, жанровым и исполнительским типом существования» [7, 531].

- ³ Ссылки на текст делаются по изданию: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.; СПб.: Наука, 1972—1990. В круглых скобках указываются том и страница цитируемого текста.
- ⁴ Только перед явкой с повинной Соня «перекрестила его и надела ему на грудь кипарисный крестик» как знак его возвращения к вере в Бога (6, 403).
- ⁵ Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1988. С. 464.

Список литературы

1. *Журавель О. Д.* Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. Новосибирск: Книга, 1996. 234 с.
2. *Кантор В. К.* Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М.: РОССПЭН, 2001. 704 с.
3. *Касаткина Т. А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.
4. *Лепяхин В.* Икона в творчестве Достоевского («Братья Карамазовы», «Кроткая», «Подросток», «Идиот») // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2000. Вып. 15. С. 237—263.
5. *Новикова Е. Г.* Софийность русской прозы второй половины XIX века: евангельский текст и художественный контекст. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. 253 с.
6. *Садаёси И.* Славянский фольклор в произведениях Ф. М. Достоевского: «Земля» у Достоевского: «Мать сыра земля» — «Богородица» — «София» // Japanese contribution to the ninth international congress of slavists. Kiev; Tokio: 1983. С. 80—81.
7. *Сараскина Л. И.* Метафизика противостояния в «Братьях Карамазовых» // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / Под ред. Т. А. Касаткиной. М.: Наука, 2007. С. 523—564.
8. *Холл Д.* Словарь сюжетов и символов в искусстве. М.: КРОНН-ПРЕСС, 1996. 656 с.

Valentina Ivanovna Gabdullina

*Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian and World Literature,
Faculty of Philology, Altai State Pedagogical University.
(Barnaul, Russian Federation)
vigv@mail.ru*

ARCHETYPICAL MOTIF OF A PACT WITH THE DEVIL IN THE NOVELS BY DOSTOEVSKY: "GOD-FORSAKING SCRIPTURE"

Abstract: The article looks at the motif of a pact with the devil in the plots of Dostoevsky's novels. Just as in the medieval plots the pact with the Devil had to be verified with a written bond, Dostoevsky's ideological characters (Rodion Raskolnikov, Ivan Karamazov) justify their theomachic ideas in the articles they write. A slightly less

intense version of this motif can be found in the 'atheistic poem' written by Stepan Trofimovich Verkhovensky. As such, the "God-forsaking scripture" can take the form of a suicide note (Ippolit Terentiev, Nikolai Stavrogin), followed by suicide as a God-denying act. In accordance with mythological views, Dostoevsky treats spoken and especially written Word as capable of influencing the world and man's fate. The writer's interest in the archetypical plot of the pact between man and devil stemmed from his remythologization of the novel. This mandated the actualization of the motif of "God-forsaking writing" in the texts of his novels.

Keywords: novels by Dostoevsky, archetypical motif, pact with the devil, the prodigal son

References

1. Zhuravel O. D. *Syuzhet o dogovore cheloveka s d'yavolom v drevnerusskoy literature* [*The Plot Motif of the Pact with the Devil in Old Russian Literature*]. Novosibirsk, Sibirsky khronograf Publ., 1996. 234 p.
2. Kantor V. K. *Russkiy evropeets kak yavlenie kul'tury (filosofsko-istoricheskiy analiz)* [*The Russian European as a Cultural Phenomenon: Philosophical and Historical Analysis*]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2001. 704 p.
3. Kasatkina T. A. *O tvoryashchey prirode slova. Ontologichnost' slova v tvorchestve F. M. Dostoyevskogo kak osnova «realizma v vysshem smysle»* [*On the Creative Nature of the Word. Ontologism of the Word in Fyodor Dostoyevsky's Art Work as the Basis of "Realism in the Highest Sense"*]. Moscow, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004. 480 p.
4. Lepakhin V. *Ikona v tvorchestve Dostoyevskogo («Brat'ya Karamazovy», «Krotkaya», «Podrostok», «Idiot»* [Icon in Dostoyevsky's Art Work ("The Brothers Karamazov", "A Gentle Creature", "The Adolescent (The Raw Youth)", "The Idiot"]]. *Dostoyevsky: Materialy i issledovaniya* [*Dostoyevsky: Materials and Research*]. Saint-Petersburg, 2000, vol. 15, pp. 237—263.
5. Novikova E. G. *Sofiynost' russkoy prozy vtoroy poloviny XIX veka: evangel'skiy tekst i khudozhestvennyy kontekst* [*Sophianic Aspect of Russian Prose in the Second Half of the 19th Century: the Gospel Text and Artistic Context*]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1999. 253 p.
6. Sadayoshi I. *Slavyanskiy fol'klor v proizvedeniyakh F. M. Dostoyevskogo: «Zemlya» u Dostoyevskogo: «Mat' syra zemlya» — «Bogoroditsa» — «Sofiya»* [Slavic Folklore Traditions in the Works by Fyodor Dostoyevsky: "Earth" in Dostoyevsky's Art Work: "Damp Mother Earth" — "Mother of God" — "Sophia"]. *Japanese Contribution to the Ninth International Congress of Slavists*. Kiev; Tokyo, 1983, pp. 80—81.
7. Saraskina L. I. *Metafizika protivostoyaniya v «Brat'yakh Karamazovykh»* [Metaphysics of Confrontation in Fyodor Dostoyevsky's Novel "The Brothers Karamazov"]. *Roman F. M. Dostoyevskogo «Brat'ya Karamazovy»: sovremennoe sostoyanie izucheniya* [*Fyodor Dostoyevsky's Novel "The Brothers Karamazov": the Current State of the Study*]. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 523—564.
8. Hall J. *Slovar' syuzhetov i simvolov v iskusstve* [*Dictionary of Subjects and Symbols in Art*]. Moscow, KRONN-PRESS, 1996. 656 p.